

Савва Михеев

**Эймунд-убийца Бориса,
Ингвар Путешественник и Анунд из Руси:
к вопросу о шведах на Руси в XI веке**

О шведско-русских связях XI века до нас дошли очень отрывочные сведения. Кроме матримониального союза Ярослава Володимировича и дочери Олава Шведского (Шётконунга) Ингигерд-Ирины, похода Ингвара Путешественника на восток и нескольких упоминаний Руси на рунических камнях мы знаем очень мало. При всём обилии известий о пребывании на Руси в эпоху Ярослава бывших норвежских правителей и претендентов на трон мы не располагаем никакими прямыми данными о присутствии здесь мужских представителей шведской королевской династии. Причины этого пробела, по-видимому, следует усматривать в малом количестве дошедших до нас источников по шведской истории этого периода — с одной стороны, и в характерной для древнерусских источников скупости в освещении международных связей — с другой.

В этой статье я затрону проблему, которая может пролить больше света на вопрос о пребывании на Руси знатных шведов в XI веке.

* * *

Сначала наметим основные вехи политической истории Швеции XI века. Конунги Эйрик Победоносный (ум. ок. 995) и его сын Олав Шведский (ок. 995–1020) происходили из древнего шведского королевского рода. По источникам известны два сына Олава Шведского — старший Эймунд (в историографии также — Эмунд), родившийся от наложницы, и младший Анунд-Якоб, мать которого, скорее всего, была законной женой Олава¹. В конце правления, около 1019 года, Олав отдал свою дочь Ингигерд в жёны новгородскому князю Ярославу Володимировичу, ведшему в те годы активную борьбу за киевское княжение.

1 Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. 3. Aufl. / Schmeidler B. (Hannover; Leipzig, 1917), II: XXXVIII (37) (s. 99), LVIII (57) (s. 119); ср. Snorri Sturluson. *Heimskringla* / Finnur Jynsson (København, 1893–1901), B. I–III. (Samfund til utgivelse af gammel nordisk litteratur. XXIII: 1–3) УН 88 (b. 2, s. 162); подробно о происхождении Анунда-Якоба см. Успенский Ф. Б. *Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии*. М., 2001. С. 58–62. Большинство упомянутых в моей статье генеалогических связей представлены на таблице на с. 35.

На uppsальском тинге около 1020 г. в соправители Олава был выбран Якоб². Единственным правителем Анунд-Якоб стал около 1022 г., когда его отец умер. При Анунде-Якобе состоялся крупный поход на восток под предводительством Ингвара Путешественника. Об этом событии повествует «Сага об Ингваре» (Yngv.), а также многочисленные рунические надписи на камнях, установленных в честь воинов, павших в этом походе. Анунд правил вплоть до своей смерти около 1051 года. На троне его сменил старший брат Эймунд, вошедший в историю как Эймунд Старый или Эймунд Злой.

После смерти Эймунда власть перешла к Стейнкелю (ок. 1056–1066), который происходил из другого рода, но состоял в свойстве с конунгами из древней династии. После же Стейнкеля и вплоть до вступления на престол его сына Инги (ок. 1080–1112) за шведскую корону с переменным успехом боролись представители старой и новой династий. Среди них были некие двое Эйриков, погибшие в битве между собой, Халльстейн Стейнкельссон, Анунд из Руси («Anunder a Ruzzia»), Хакон Рыжий. Детали этой борьбы почти неизвестны, как неизвестны наверняка и родственные связи этих Эйриков, Анунда и Хакона.

* * *

Обратимся к одной из загадок шведской истории этого времени. В источниках, повествующих о скандинавской истории XI века, фигурирует несколько носителей имени Э(й)мунд. Возможно, некоторые из этих упоминаний говорят об одном и том же лице. Основное внимание в этой статье будет уделено выяснению генеалогии и судьбы троих носителей имени Эймунд. Это, во-первых, отец Ингвара Путешественника, известный по Yngv.; во-вторых, Эймунд — убийца Бурислава (т. е. Бориса Володимировича — будущего святого Бориса³) — прототип главного героя «Эймундовой пряди» (Eym.) , а также одного из героев Yngv⁴. В-третьих, в ходе анализа будет затронут и вопрос о том, кем был **aimuntR** одной рунической надписи из Сёдерманланда (Центральная Швеция), в тексте которой

2 При этом, по-видимому, именно на том тинге Якоб был переименован народом и получил династическое имя Анунд: Snorri Sturluson. *Heimskringla*. ÖN 94 (b. 2, s. 194); ср.: Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. II: LVIII (57) (s. 119). О переименовании Якоба см. подробно: Успенский Ф. Б. *Имя и власть*. С. 63–65.

3 Об убийстве Бориса см.: Михеев С. М. Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: К проблеме варяжских источников древнерусских текстов. *Славяноведение*. М., 2005. № 2. С. 28–42.

4 По Yngv. Эймунд лишь *ослепил* Бориса, но, как отметил Р. Кук, автор саги был хуже знаком с походом Эймунда, чем автор Eym., и поэтому допустил некоторые ошибки в своём кратком изложении рассказа о подвигах Эймунда (Cook R. “Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in *Eymundar þáttur Hringssonar*,” *Viator: Medieval and Renaissance Studies*. (Berkeley; Los Angeles; L., 1986), Vol. 17, 67–68).

говорится о гибели двоих «сыновей Эймунда» в Серкланде (т. е., вероятно, в стране сарацин — на мусульманском Востоке)⁵.

Эймунд, отец Ингвара Путешественника, согласно Yngv., был сыном шведского хёвдинга Аки. Аки силой захватил дочь Эйрика Победоносного и сделал её своей женой, после чего у них родился Эймунд⁶. В Yngv. этот Эймунд идентичен Эймунду-убийце Бориса, хотя в главном источнике об Эймунде-убийце Бориса — в Eym. — происхождение убийцы Бориса описано совершенно иначе:

«Ринг (Hringr) звался конунг, который правил в Упланде в Норвегии. Рингарики называлась та область, над которой он был конунгом. Был он мудр и любим, добр и богат. Он был сыном Дага, сына Ринга, сына Харальда Харфагра; вести свой род от него считалось в Норвегии самым лучшим и почетным. У Ринга было три сына, и все они были конунгами. Старшего звали Ререк, второго — Эймунд (Eymundr), третьего — Даг. Все они были храбры, защищали владения отца, бывали в морских походах и так добывали себе почет и уважение. Это было в то время, когда конунг Сигурд Свинья правил в Упланде; он был женат на Асте, дочери Гудбранда, матери Олава конунга Святого. <...> Они были побратимами, когда росли, Олав, сын Харальда, и Эймунд, сын Ринга; они были к тому же почти одних лет. Они занимались всеми физическими упражнениями, какие подобают мужественному человеку, и жили то у Сигурда конунга, то у Ринга конунга, отца Эймунда. Когда Олав конунг поехал в Англию, поехал с ним и Эймунд; еще был с ними Рагнар, сын Агнара, сына Рагнара Рюкиль, сына Харальда Харфагра, и много других знатных мужей»⁷.

Несмотря на разнобой сведений о происхождении интересующих нас лиц⁸, вряд ли следует сомневаться в том, что, во-первых, отцом Ингвара действительно был некий Эймунд, а, во-вторых, что существовал некий Эймунд, который убил Бориса и стал прототипом главного героя Eym. и одного из героев Yngv.

5 Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 75–77.

6 Yngvars saga víðfárla / Olson E. (København, 1912) (Samfund til utgivelse af gammel nordisk litteratur. XXXIX), 1–2. Перевод саги здесь и ниже цитируется по: Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст. Перевод. Комментарий. М., 2002. С. 250–271.

7 [Eymundar þáttur]. Flateyjarbók / Guðbrandr Vigfússon, Unger C. R. (Christiania, 1862), B. 2, 368 (s. 118). Перевод пряди цитируется по изданию: Сага об Эймунде. [Перевод Е. А. Рыдзевской]. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. (Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1978 г.) С. 89–104.

8 Вероятно, именно эта особенность источников стала причиной заблуждений некоторых исследователей. Так, А. И. Лященко утверждал, что сага называет Эймунда «сыном Шведского короля Эйрика» (Лященко А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи. Известия Академии Наук СССР = Bulletin de l'Académie des sciences de l'URSS. Л., 1926. Сер. VI. Т. XX. № 12. С. 1081 (прим. 2)), а в статье Г. В. Глазыриной Ингвар фигурировал с патронимом «Акасон» (Глазырина Г. В. Трансформация исторических свидетельств в устной традиции и при записи текста (на материале древнеисландской «Саги об Ингваре Путешественнике»). Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы её воплощения. М., 2003. С. 30).

Оба эти Эймунда — отец Ингвара и убийца Бориса — по-видимому, происходили из королевских родов⁹.

Итак, попытаемся восстановить происхождение Эймунда-отца Ингвара и Эймунда-убийцы Бориса, исходя в большей степени из совокупности прямых и косвенных данных о походе Ингвара и походе Эймунда, чем из генеалогий, которые приписываются им в прологах Yngv. и Eum.

* * *

Сперва обратимся к вопросу о том, кем был Эймунд-отец Ингвара Путешественника. В Yngv., кроме основной версии происхождения главного героя имеется следующий рассказ:

«Некоторые сказители саг говорят, что Ингвар был сыном Энунда Олавссона, потому что им кажется, будто ему прибудет чести, если его назовут сыном конунга. Но Энунд с охотой отдал бы все свое государство, если бы он мог выкупить жизнь Ингвара, потому что все хёвдинги в Свитьоде предпочли бы, чтобы он был конунгом над ними. А случается, некоторые люди спрашивают, что указывает на то, что Ингвар не был сыном Энунда Олавссона, и на это мы хотели бы ответить следующим образом. У Эймунда¹⁰, сына Олава¹¹, был сын по имени Онунд¹². Он был похож на Ингвара во многих [проявлениях] природы, и превыше всего в своих дальних странствиях, как это засвидетельствовано в той книге, которая

9 Между тем, разумеется, их генеалогиям, содержащимся в саге и пряди, можно верить только отчасти (о недостоверности пролога Eum. см. ниже).

Возможно, тот же самый Эймунд Акасон, чья генеалогия рассказана в Yngv., фигурирует в «Книге с Плоского острова» (Flat.), где однажды упоминается побратим Олава Толстого, носящий такие же имя и патроним (*Flateyjarbok*, 312 (b. 2, s. 14)). На эту параллель обратил внимание О. Прицак, по мнению которого генеалогия Эймунда в Yngv. является выдумкой автора саги (Pritsak O. *The Origin of Rus'*. (Cambridge (Mass.), 1981), Vol. 1: *Old Scandinavian Sources Other Than the Sagas*, 428).

Прототипом Аки, о котором рассказывается в Yngv., на мой взгляд, был шведский бонд Аки из Вермаланда, согласно «Саге о Харальде Прекрасноволосом», убитый шведским конунгом Эйриком сыном Эймунда — на самом деле, видимо, отца этого Эйрика звали *Анунд*, а не *Эймунд* — за симпатии к норвежскому конунгу Харальду Прекрасноволосому (Snorri Sturluson. *Heimskringla*. *Nafnárfr* 14 (b. 1, s. 116–119)). Совпадение личных имён Эйрика Анундарсона и Эйрика Победоносного могло привести к ошибке автора пролога Yngv., отождествившего этих конунгов, а также смешавшего историю деда своего главного героя с историей, произошедшей не менее чем на век ранее с другим шведским хёвдингом, носившем имя *Аки*.

Существовал ли на самом деле Эймунд Хрингссон, определить невозможно. Кук считает, что его генеалогия в Eum. не соответствует реальности. По мнению Кука, об этом, во-первых, говорит то, что Хрёрек во всех королевских сагах называется братом Хринга, а в пряди — его сыном, а, во-вторых, то, что Эймунд Хрингссон почти нигде кроме пряди не фигурирует (Cook R. *Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy*. P. 66). Единственное краткое упоминание Эймунда вне пряди имеется во Flat. (*Flateyjarbok*, 341 (b. 2, s. 67)) и, по-видимому, является отсылкой к самой пряди, дошедшей до нас только в составе той же самой рукописи. При этом в данном месте Эймунд фигурирует без патронима.

10 В рукописи С — Аунунда.

11 Слова «сына Олава» есть только в списке А.

12 В рукописи С — Эймунд.

называется «*Gesta saxorum*» и в которой так написано: <приводится латинская цитата, сообщающая об отправке этого Онунда сына Эмунда¹³ отцом в поход и его гибели в стране амазонок¹⁴>¹⁵.

Несмотря на скептическое отношение автора саги к сведениям о прямом происхождении Ингвара Путешественника от шведского королевского рода по мужской линии, возможно, эти сведения всё же имеют под собой некоторую почву. В начале XX века русский скандинавист Ф. А. Браун выдвинул гипотезу о том, что главный герой Yngv. был сыном шведского конунга Эймунда Старого. Основными источниками, на которых было построено предположение Ф. А. Брауна, стали несколько рунических камней.

Надпись на первом из камней, на которые обратил внимание Ф. А. Браун, гласит: «· **anuntr** · **auk** · **airikr** · **auk** · **hakun** · **auk inkuar** · **rais[tu]** (· **stain** ·) **[pin](s)[a** · **iftjir** · **raknar** · **brupur sin** · **kuþ** · **hialbi ant** · **hans**» ('Анунд и Эйрик и Хакон и Ингвар поставили этот камень по Рагнару, своему брату. Боже, помоги его душе!') (U 513 Rimbo kyrka¹⁶).

Второй из камней, часть надписи которого не сохранилась, содержит следующий текст: «**airikr** · **auk hokun** · **auk inkuar auk k rah[nilt]r** · **þou h[ll]** (50–60 знаков) **[a]R** · **[i]na hon uarþ [tau]þ[r]** **[a] kriklati** · **kuþ hialbi honsalukuzs muþi[R]**» ('Эйрик и Хакон и Ингвар и Рагнхильд¹⁷, они ... Он умер в Грикланде. Боже, помоги его душе и Богоматерь!') (U 540 Husby-Lyhundra kyrka¹⁸).

Исследовав совокупность имён, содержащихся в этих двух текстах, Ф. А. Браун заметил, что «в том сочетании, в каком их [имена] дают вышеприведенные надписи L. 601 [U 513 — С. М.] и 605 [U 540 — С. М.], они характерны только для одной семьи — для шведской королевской династии, занимавшей шведский престол, вероятно, со времен доисторических, но во всяком случае со второй половины IX века»¹⁹. Опираясь на разрозненные сведения о политической истории Швеции XI века, Ф. А. Браун делает вывод, что братья Анунд,

13 В рукописи В — Эмунда сына Эмунда, С — Эймунда сына Аунунда, D — Энунда сына Эймунда.

14 Латинская фраза в рукописях саги имеет значительные различия: см. Hofmann D. "Die Yngvars saga víðfÁrila und Oddr munkr inn fróði," *Speculum norroenum: Norse studies in memory of Gabriel Turville-Petre* (Odense, 1981), 205–206; Глазырина Г. В. *Сага об Ингваре Путешественнике*. С. 372–375 (прим. 148).

15 *Yngvars saga víðfÁrila*. S. 14 (s. 47–48). Данный рассказ содержится в конце саги и является по сути как бы схолией.

16 *Upplands runinskrifter* / Wessén E., Jansson S. B. F. (Stockholm, 1943–1946), Del. 2. I–II. (Sveriges runinskrifter. Bd. 7) № 513 Rimbo kyrka (s. 368–371; pl. 106).

17 Браун Ф. А. переводит это место так: 'Ингвар и Рагнхильда, муж с женой' (Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? *Записки Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском университете*. СПб., 1910. Вып. IV. С. 136). Однако, скорее всего, Рагнхильд была матерью всех перечисленных братьев (Von Friesen O. "Hvem var Yngvarr enn víðfÁrli?" *Formvannen: Meddelanden från K. vitterhets historie och antikvitets akademien* (Stockholm, 1910), Årg. 5, 202) или, возможно, их сестрой (Schück H. *Den äldsta kristna konungalängden i Sverige* (Uppsala, 1914) (Uppsala universitets årsskrift. 1914. Program 1), 21 (fn. 1)).

18 *Upplands runinskrifter*. № 540 Husby-Lyhundra kyrka (s. 422–427; pl. 119).

19 Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? С. 136.

Эйрик и Хакон надписей U 513 и U 540 — это известные из других источников претенденты на шведский трон, боровшиеся за него после смерти Стейнкеля²⁰. Самый важный источник, который повествует об этих событиях, — книга Адама Бременского, в одной из схолий к которой говорится:

«После гибели обоих Эриков в сражении²¹ к власти пришел сын Стенкеля Халзстейн. Вскоре он был изгнан, [а на его место] из России пригласили Анундера, однако затем, отстранив и этого, свеоны избрали некоего Хаквина. Он женился на матери Олафа-юноши^{22»}²³.

«Этим, — по мнению исследователя, — сразу проливается свет и на Ингвара: если Анунд, Эйрик и Гакон были потомками древних королей, то и братья их Ингвар и Рагнар были таковыми.

Таким образом, я могу считать доказанным, — утверждает Ф. А. Браун, — что во второй четверти XI века, т. е. именно тогда, когда Ингвар-путешественник предпринял свой славный поход на восток, в Швеции существовал королевич этого имени, член древней династии. Отсюда предположение, что это и есть наш Ингвар, навязывается само собой»²⁴.

«Все обстоятельства, при которых совершаются исследуемые нами события, указывают на то, что царственные братья были сыновьями короля Эймунда, считавшегося до сих пор последним представителем древней династии. Но ведь и в саге Ингвар — сын Эймунда. Оказывается, что сага верно сохранила имя отца своего героя, поставив его лишь в неверную генеалогическую связь», — заключает исследователь²⁵.

20 Там же. С. 141–145. Восстанавливаемые Ф. А. Брауном генеалогические связи отражены на генеалогической таблице на с. 35.

21 Данная схолия относится к следующим словам Адама: «В Свеонии в то же время умер христианнейший король Стинкель. После его [смерти] за власть стали бороться два Эрика, [и, говорят,] в [этой] войне погибла вся шведская знать. Тогда же пали и оба короля. Таким образом, вследствие исчезновения всего королевского рода королевская власть [в Свеонии] пошатнулась» (Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. III: LIII (52) (s. 197–198), перевод В. В. Рыбакова). Ф. А. Браун считал, что второй из упомянутых здесь Эйриков мог быть сыном Анунда-Якоба и двоюродным братом Эйрика, сына Эймунда (Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? С. 141).

22 Этот фрагмент Адама стал причиной одного недоразумения в работе О. Прицака, на которое указал мне Ф. Б. Успенский. На основании сведений о женитьбе Хакона Рыжего на матери Олава «Юноши» О. Прицак делает вывод о том, что Хакон взял в жёны Эллисив (Елизавету) Ярославну (Pritsak O. *The Origin of Rus'*, 433). Между тем, как известно, у Эллисив и Харальда Сурового не было сыновей, а матерью Олава Тихого была Тора, дочь Торберга: см., например, Snorri Sturluson. *Heimskringla*. HarHarð 33 (b. 3, s. 122). Ошибочный вывод О. Прицака, к сожалению, многократно повторён исследователем в различных местах его работ о древнерусско-скандинавских связях.

23 Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. III: LIII (52), schol. 84 (85) (s. 197), перевод В. В. Рыбакова.

24 Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? С. 145.

25 Там же.

Следующим важным доказательством того, что отцом Ингвара Путешественника был Эймунд Олавссон, является текст уже упоминавшейся надписи на руническом камне из Стрэнгнэса. Этот камень дошёл до нас не полностью, на сохранившемся обломке читается: «**ai**(10–15 знаков)[**u**]**a** : [**stai**](20–30 знаков)**uni** : **aimunt**(10–15 знаков) **sunarla** : **a** : **se[r]k** | **l**(4–5 знаков)» (Sö 279²⁶). Ф. А. Браун восстанавливает текст надписи так: «Æi[mundr lēt hǼgg]va stæi[n þenna æftir Ingvar auk Harald s]yni Æimund[ar, þær dōu] sunnarla ā Særkl[andi]»²⁷ («Эй[мунд велел] вырубить камень [сей в память Ингвара и Гаральда] сыновей Эймунд[а. Они погибли] на юге в земле Сарацин»²⁸). О том, что этот камень поставлен именно по Ингвару Путешественнику, говорит, во-первых, упоминание Серкланда, где, судя по упоминанию этого топонима на нескольких Ингваровых камнях, умерли многие участники похода Ингвара, а, во-вторых, место установки камня — именно в этой округе сконцентрировано множество Ингваровых камней²⁹.

Если Ингвар был сыном Эймунда Олавссона, то это объяснило бы масштабность похода, о которой свидетельствует количество рунических камней, установленных в честь его участников: даже по воинам Кнута Могучего установлено меньше камней. Вполне закономерно, если это мероприятие было организовано по инициативе или с санкции верховной власти.

К доводам в пользу гипотезы Ф. А. Брауна необходимо добавить следующие мелкие соображения.

Списки братьев в надписях U 513 и U 540 говорят о том, что их отцом не мог быть человек, носивший имена *Анунд*, *Эйрик* и *Хакон*, так как у скандинавов нельзя было нарекать ребёнка в честь живого прямого предка. Также крайне маловероятно, что их отец носил имя *Ингвар* или *Рагнар* (такое теоретически возможно, если отец умер до рождения младшего из братьев и тот был наречён в честь отца). Знаменательно, что этот список почти исчерпывает известный нам именослов шведского королевского рода для XI века. Практически единственными вакантными именами оказываются *Э(й)мунд* и *Олав*. Скорее всего, сыновья

26 *Södermanlands runinskrifter* / Brate E., Wessén E. Stockholm, 1924–1936. I–II. (Sveriges runinskrifter. Bd. 3) N 279 Strangnäs, vid Domkyrkan (s. 243–244; pl. 173).

27 Braun F. “Hvem var Yngvarr enn víðfǼrli? Ett bidrag till Sveriges historia under XI århundradets första hälft,” *Fornvännen: Meddelanden från K. vitterhets historie och antikvitets akademien* (Stockholm, 1910), Årg. 5, 112.

28 Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? С. 146. Имя «Харальд» было помещено исследователем в конъектуру на основании следующего текста: “ **tula** : **lit** : **raisa** : **stain** : **þinsat** : **sun** : **sin** : **haralt** : **brupur** : **inkuars** : || **þaiR** || **furu** : **trikila** : **fiari** : **at** : **kuli** : **auk** : **a** : **ustarlar** : **ni** : **kafu** : **tuu** : **sunar** : **la** : **a** | **sirk** : **lan** : **ti**” («Тола велела установить этот камень по своему сыну Харальду, брату Ингвара. Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов. Умерли на юге в Серкланде») (*Södermanlands runinskrifter*. № 179 Gripsholm, Karnbo sn, Selebo hd. (s. 153–156; pl. 87), перевод Е. А. Мельниковой (Мельникова Е. А. *Скандинавские рунические надписи*. С. 305)). Ф. А. Браун предположил, что Тола, установившая данный камень, была «мачихой Ингвара, желавшей увековечить память своего сына, приобщив его к славе Ингвара» (Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? С. 134), оговариваясь при этом, что «отсутствие имени их [Ингвара и Харальда] общего отца, однако, лишает нас возможности использовать содержание надписи так, как это было бы возможно при наличии этого имени» (Там же).

29 Ср.: Там же. С. 146 (прим. 1).

Эймунда не могли быть названы этими именами по той причине, что так звали их ещё живых отца и деда — Эймунда Старого и Олава Шведского³⁰.

Если Ингвар действительно был внуком Олава, то дети Ингигерд и Ярослава приходились ему двоюродными братьями и сёстрами. Согласно Yngv., одного из соратников Ингвара звали *Вальдидмар*. В источниках Володимир Ярославич фигурирует как единственный на Руси носитель этого княжеского имени для второй четверти XI века. Поэтому я считаю очень вероятной гипотезу Е. А. Мельниковой, по мнению которой Ингвар принимал участие в походе Володимира на греков в 1043 году³¹. Было бы вполне естественно, если Володимир Ярославич воевал вместе со своим кузеном.

Ещё одним доводом в пользу того, что камень из Стрэнгнэса был поставлен именно по Ингвару, является качество исполнения выбитой на нём рунической надписи. По этому показателю Sö 79 можно назвать лучшим среди всех Ингваровых камней.

Гипотеза Ф. А. Брауна, принимаемая или не принимаемая разными исследователями, получила в историографии ряд дополнений и уточнений. Так, О. фон Фрисен считал, что Sö 279 не мог поставить сам Эймунд, так как иначе в надписи стояло бы: «по своим сыновьям», а не «по сыновьям Эймунда»³². Фрисен предположил, что данный камень был воздвигнут одним из старших сыновей Эймунда — Эйриком, фигурирующим в U 513 и U 540³³. Вероятное количество несохранившихся в надписи знаков соответствует тому количеству, которое восстанавливают и Ф. А. Браун, и О. фон Фрисен. Однако Фрисен, по видимости, ближе к истине, и Sö 279 следует читать следующим образом: «**ai**(rikR : lit : hak)**[u]a** : [stai](n : þina : at : ikuar : auk : haralt : s)**uni** : **aimunt**(aR : þaiR : tuu :) **sunarla** : **a** : **se[r]k** | I(anti)» («Эй(рик велел) установить камень (этот по Ингвару и Харальду,) сыновьям Эймунда. (Они умерли) на юге в Серкланде»). Однако данная поправка не отменяет гипотезу Ф. А. Брауна.

Препятствием для принятия предположений Ф. А. Брауна являются имена Рагнара и Хакона — сыновей Эймунда, зафиксированных на U 513 и U 540. Первое из них Ф. А. Браун соотносит с именем Рагнара Кожаные Штаны — одного из полуполюгендарных прародителей шведской династии³⁴. Второе имя действительно не зафиксировано в именослове предков Эймунда Старого. Однако Ф. А. Браун со-

30 У скандинавов существовал запрет нарекать сыновей именами ещё живых предков (см. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*. М., 2006. С. 310–314).

31 Мельникова Е. А. Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию 1043 г. *Скандинавский сборник = Skrifter om Skandinavien*. Таллин, 1976. XXI. С. 74–87.

32 Von Friesen O. Hvem var Yngvarr enn víðfärli? S. 206.

33 Ibid. S. 206.

34 См., например: [Hervarar saga ok Heiðreks konungs.] Контаминированная редакция. *Сказание о мече Тюрфинге (Hervarar saga ok Heiðreks)* / И. Шаровольский. К., 1906. I: Старо-исландский текст с введением. С. 76 [гл. 15]. (В этом издании сага не имеет деления на главы. В ссылках я указываю в квадратных скобках традиционно выделяемые главы саги.) Употребление редкого

поставляет Хакона рунических надписей с Хаконем Рьжжим, упоминаемым в источниках как один из конунгов, правивших Швецией между Стейнкелем и Инги³⁵.

Уже скорее возражением, а не уточнением теории Ф. А. Брауна является вытекающее из предыдущего замечание Фрисена о том, что имя *Эймунд* отсутствует в списках установивших все упомянутые рунические камни. По мнению Фрисена, это свидетельствует в пользу того, что тот Эймунд, который был отцом перечисленных в надписях братьев, был мёртв во время установки данных камней³⁶.

После того, как Фрисен высказал свои сомнения по поводу возможности отождествления Эймунда, отца Ингвара, с Эймундом Старым, сам Ф. А. Браун отчасти принял доводы Фрисена, но не отказался от своей гипотезы и собирался продолжить её разработку³⁷. Но, насколько мне известно, исследователь больше не писал на эту тему.

Я пока не буду сбрасывать со счетов предположение Брауна о том, что Ингвар был сыном Эймунда Старого. Помня о выявленном Фрисеном противоречии, я постараюсь разрешить его ниже.

* * *

Теперь я перейду к вопросу о том, кем мог быть Эймунд-убийца Бориса, главный герой Еум., отрешившись пока от возможности его отождествления с отцом Ингвара (и, следовательно, с Эймундом Олавссоном Старым).

На возможную недостоверность уже цитированного мною пролога Еум. обратил внимание Р. Кук — единственный исследователь, который рассмотрел прядь

в роду имени может объясняться и тем, что Рагнар мог быть не старшим (как предполагали Ф. А. Браун и другие исследователи), а одним из младших и/или незаконнорожденных сыновей Эймунда Старого и поэтому его имянаречение не очень частым в королевском роду именем было закономерным.

35 См., например: Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. III: LIII (52), schol. 84 (85) (s. 197) (перевод этой схолии уже приводился мной выше); [Hervarar saga ok Heiðreks konungs.] С. 78 [гл. 16]; Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? С. 144.

36 Von Friesen O. Hvem var Yngvart enn víðfärlí? S. 202. (Ср. Schück H. *Den äldsta kristna konungalängden i Sverige*. S. 23). Фрисен считал, что U 540 был установлен по Анунду (Von Friesen O. Hvem var Yngvart enn víðfärlí? S. 203), объясняя таким образом исчезновение его из списка установивших камень (ср. U 513). Фрисен читает U 540 так: “airíkr · aukhākun · aukinkuar a[u]krahní[It]r · þāuhl[itu · rita · stin · þina · at · anunt · brupur · þaiRa · airíks · auk sun · rahnilta]R · ina (= in eller ian) hānua[rþ · tau]þrikriklati · kuþ etc.” (Ibid.). О. Прицак, принимая теорию Ф. А. Брауна с поправками О. Фон Фрисена относительно Sö 279 и U 540 (Pritsak O. *The Origin of Rus*’, 429), заключает, что «Анунд из Руси» Адама Бременского — это не то же самое лицо, что и Анунд надписи U 513 (Ibid., 431–433). О. Прицак таким образом противоречит сам себе: если отсутствие имени Анунда в перечне установивших камень говорит о том, что Анунд был мёртв, то и Эймунд аналогичным образом должен был быть мёртв во время установки всех этих камней. О. Прицак же, не улавливая это противоречие и не обращая внимания на выявленное Фрисеном противоречие, соглашается с гипотезой Ф. А. Брауна о происхождении Ингвара.

37 Braun F. “Das historische Rußland im nordischen Schrifttum des X.–XIV. Jahrhunderts,” *Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag 19. Juli 1924* (Halle an der Saale, 1924), 188 (Fn. 1).

с филологической точки зрения. По его мнению, реальный Эймунд-убийца Бурислава, вполне мог быть шведом, так как в Yngv. — в отличие от Еум. — он назван потомком *шведских* конунгов. Р. Кук предположил, что легенда об Эймунде-убийце Бурислава, была искусственно перенесена на норвежскую почву³⁸.

На мой взгляд, соображения о недостоверности пролога Еум. имеют под собой основания.

Описание в пряди битвы на реке между Ярислейвом и Буриславом — первого военного столкновения на Руси, в котором принимал участие Эймунд, — традиционно считается рассказом о битве под Любечем, описываемой русскими летописями под 6524 (1016) годом³⁹. Таким образом, Эймунд, вероятно, появился на Руси не позднее этого времени⁴⁰. Между тем, такой вывод вступает в противоречие с данными пролога Еум., в котором описываются как якобы предшествовавшие отправке Эймунда на Русь события норвежской истории, датируемые 1017–1018 годами⁴¹.

Рассказ об убийстве Бурислава — кульминационный эпизод Еум. — начинается следующим образом:

«Однажды рано утром Эймунд позвал к себе Рагнара, родича своего, десять других мужей, велел оседлать коней, и выехали они из города 12 вместе, и больше ничего с ними не было. Все другие остались. Бьёрн звался ис-

38 Cook R. Russian History, Icelandic Story and Byzantine Strategy. P. 67–68.

39 *Новгородская харатьейная летопись*. М., 1964 [6624], л. 1–1 об.; Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный список. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М., 1950. 6524, л. 78 об.–79 об. (с. 174–175); *ПСРЛ*. 6524, л. 48 об. (стб. 141–142); *ПСРЛ*. СПб., 1908. 6524, л. 43 об. (стб. 129). Первым обратил внимание на сходство описаний битвы на реке в пряди и битвы под Любечем (на Днепре) в летописи О. И. Сенковский (Сенковский О. И. Скандинавские саги. *Библиотека для чтения: Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод*. СПб., 1834. Т. 1. Отд. III: Науки и искусства. С. 62–64). См. также Лященко А. И. *“Eymundar Saga” и русские летописи*. С. 1074; Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А. Скандинавские источники. *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебн. пособие для студентов вузов*. М., 1999. С. 519.

40 Вероятно, как предложил М. П. Погодин, отряд Эймунда был в составе того варяжского корпуса (или, добавлю, собственно им и являлся), который, согласно летописи, был приглашён Ярославом для борьбы с Володимиром ещё в 1015 году (6523, л. 74 об. (с. 168); *ПСРЛ*. Т. 1. 6523, л. 44 об. (стб. 130); *ПСРЛ*. Т. 2. 6523, л. 48 об. (стб. 115)) (Погодин М. П. Эймундова сага. *Ученые записки императорского московского университета*. М., 1834. Февраль. № VIII. Отд. III: Смесь. С. 383).

41 См.: Джаксон Т. Н. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий*. М., 1994. С. 161 (прим. 5).

Информация Еум. о присутствии на Руси Ингигерд, казалось бы, противоречит такой датировке, так как вероятная датировка свадьбы Ярослава и Ингигерд — 1019 год, то есть после появления Эймунда на Руси. Между тем, то, что на Руси в момент прихода Эймунда уже была Ингигерд, я склонен считать поздней добавкой редактора пряди или одного из рассказчиков, возникшей на основании того, что Ярослав у скандинавов всегда ассоциировался с Ингигерд; ср. примерно то же: Там же. С. 170–171 (прим. 42). Самое главное, что роль Ингигерд в сюжете пряди, посвящённом битвам Ярислейва с Буриславом, — минимальна. Она начинает реально принимать участие в действии только с неподдающегося точной датировке эпизода ухода Эймунда от Ярослава, который мог случиться тогда, когда Ингигерд уже действительно появилась на Руси.

ландец, который поехал с ними, и Гарда-Кеттиль, и муж, который звался Асткелль, и двое Тордов»⁴².

Более нигде в пряди имена дружинников Эймунда и Рагнара не упоминаются. Весьма вероятно, что прядь дошла до записавших её исландских книжников именно через рассказы этих исландцев — участников похода Эймунда. Эти исландцы, по-видимому, были хорошо знакомы с генеалогией своего предводителя, однако, вероятно, знали о судьбе Эймунда только до того момента, когда покинули его дружину, отправившись на родину. При устной передаче реальная генеалогия Эймунда могла забыться, так как не была актуальна для повествования о его подвигах на Руси. Мне представляется, что в ходе своего устного бытования в Исландии эти рассказы были отдельным повествованием, мало или никак не связанным с рассказами об Олаве Толстом (Святом). Привязка же сюжета пряди к норвежской истории произошла, по-видимому, уже на последнем этапе развития текста — при включении в крупное литературное произведение — письменную королевскую сагу. На этой стадии Еум., видимо, и приобрела пролог, в который (а также, что показательно, в последние строки пряди⁴³) были помещены несколько перекрёстных ссылок на другие фрагменты Саги об Олаве Святом⁴⁴. Это обрамление позволило пряди встать в ряд других произведений исландской литературы, для которых типичен сюжет, в котором герой, терпящий неудачи на родине, в результате своих подвигов на Руси добывается власти и славы (ср. *Yngv.* и *Saǰu ob Orvare-Odde*).

И по *Yngv.*, и по Еум. Эймунд-убийца Бориса происходил из королевского рода. В пряди он постоянно называется «Эймундом конунгом». Если реальный прототип главного героя пряди действительно был королевских кровей, то его подвиги на Руси можно поместить в ряд иноземных походов родственников скандинавских правителей. Для наследников престола было вполне естественно отправиться с дружиной в иноземные походы (ср. гораздо лучше известные по сагам аналогичные подвиги представителей норвежского королевского рода). Эймунд, судя по Еум., занимал высокое положение на службе у русских князей. В связи с этим было бы вполне естественно предположить, что Эймунд (как позже Ингвар) во время пребывания на Руси был одним из наследников шведского трона⁴⁵.

42 [Eymundar þátttr.] S. 373 (s. 127).

43 Эб эпилоге пряди см. ниже в прим. 49.

44 Только в начале и конце Еум. автор повествует об известных исландской аудитории событиях. В прологе обыгрывается обычный для «прядей о поездках из страны» (*útanferðar þættir*) мотив противостояния главного героя пряди с конунгом — главным героем саги (см. об этом Гуревич Е. А. *Древнескандинавская новелла: Поэтика «прядей об исландцах»*. М., 2004). Далее в тексте о взаимоотношениях Эймунда и Олава речь вообще не заходит. Лишь в последних строках Еум. мы обнаруживаем почти никак не связанную с предыдущим повествованием ссылку на рассказ о посещении Руси Олавом Святым (в словах про Рёгнвальда). См. также выше прим. 9.

45 Во время похода Ингвара — во второй половине 1030-х — начале 1040-х гг. (наиболее убедительная датировка этого похода принадлежит Мельниковой (Мельникова Е. А. Экспедиция

Итак, вполне возможно, что Эймунд-убийца Бориса был представителем шведского королевского рода. Это предположение подтверждается и тем, что имя *Эймунд* является характерным для шведского династического антропонимикона⁴⁶ и не встречается у представителей норвежской королевской династии.

* * *

Как уже говорилось, в прологе *Yngv.* отцом Ингвара Путешественника назван Эймунд-убийца Бориса. Три обстоятельства — 1) то, что Эймунда — отца Ингвара Путешественника (если пока отвлечься от критики Брауна Фрисеном) можно отождествить с Эймундом Олавссоном Старым; 2) то, что Эймунд-убийца Бориса мог являться представителем шведского королевского рода и 3) то, что отцом Ингвара, согласно *Yngv.*, был Эймунд-убийца Бориса — заставляют задуматься о том, не был ли Эймунд Старый прототипом главного героя *Еум.*, то есть не тождественен ли Эймунд Старый Эймунду-убийце Бориса?

В финале *Еум.* судьба её главного героя на Руси после завершения одной из стадий междоусобиц 1010-х–1020-х годов описывается следующим образом:

Было объявлено от имени Вартилава (*Uartilafs*) конунга [Брячислава Изяславича Полоцкого — С. М.], что княгиня [Ингигерд — С. М.] будет устраивать мир. Она сказала Ярицлейву конунгу, что он будет держать лучшую часть Гардарики — это Хольмгард, а Вартилава — Кенугард, другое лучшее княжество с данями и поборами; это — наполовину больше, чем у него было до сих пор. А Палтескью [Полоцк — С. М.] и область, которая сюда принадлежит, получит Эймунд конунг и будет над нею конунгом, и получит все земские поборы целиком, которые сюда принадлежат, “потому что мы не хотим, чтобы он ушел из Гардарики”. Если Эймунд конунг оставит после себя наследников, то будут они после него в том княжестве. Если же он не оставит после себя сына, то [оно] вернется к тем братьям. Эймунд конунг будет также держать у них оборону страны и во всем Гардарики, а они должны помогать ему военной силой и поддерживать его. Ярицлейв конунг будет над Гардарики. Рёгнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг так, как держал до сих пор.

Ингвара Путешественника на восток); см. также обзор литературы: Глазырина Г. В. *Saga об Ингваре Путешественнике*. С. 152–168) — конунгом свеев был брат Эймунда Старого Анунд-Якоб. Участие же Эймунда-убийцы Бориса в междоусобицах русских князей датируется второй половиной 1010-х — первой половиной 1020-х гг., когда в Упсале правили сначала отец Эймунда Старого Олав Шведский, а затем Анунд-Якоб.

46 Кроме Эймунда Старого в близкое к описываемому время известен некий Эймунд, который фигурирует как сын Эйрика Победоносного и Сигрид Гордой в «Легендарной саге об Олаве Святом» (*Olafs saga helga: Die “Legendarische Saga” über Olaf den Heiligen (Hs. Delagard. saml. nr. 8^{tl})* / Heinrichs A., Janshen D., Radicke E., Röhn H. (Heidelberg, 1982), 7 (s. 36)). (В этом источнике Эйрик Победоносный (*Æirikt inn sigrsæli*) — видимо, по ошибке — назван “*Æirikt enn arsæle*” (“Эйрик Урожай”). Вероятно, этот же Эймунд упоминается у Адама Бременского как шведский конунг Эмунд в 966 году: Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. II: XXV (22) (s. 83).

На такой договор и раздел княжеств согласился весь народ в стране и подтвердил его. Эймунд конунг и Ингигерд должны были решать все трудные дела. И все поехали домой по своим княжествам. Вартилав конунг прожил не дольше трех зим, заболел и умер; это был конунг, которого любили как нельзя больше. После него принял власть Ярицлейв и правил с тех пор один обоими княжествами. А Эймунд конунг правил своими и не дожил до старости. Он умер без наследников и умер от болезни, и это была большая потеря для всего народа в стране, потому что не бывало в Гардарики иноземца более мудрого, чем Эймунд конунг, и пока он держал оборону страны у Ярицлейва конунга, не было нападений на Гардарики. Когда Эймунд конунг заболел, он отдал свое княжество Рагнару, побратиму своему, потому что ему больше всего хотелось, чтобы он им пользовался. Это было по разрешению Ярицлейва конунга и Ингигерда⁴⁷.

Судить о достоверности сведений пряди о договоре между Ярославом и Брячиславом сложно, так как единственный параллельный источник — русские летописи — описывает события, связанные с междоусобицами Володимировичей, очень тенденциозно⁴⁸. Вероятно, в тексте Еум. имеет место некоторое преувеличение приобретённого Эймундом на Руси положения, которое следует отнести на счёт типичного для саг завышения роли скандинавов в чужих странах, а рассказ пряди о смерти Эймунда на Руси объясняется, во-первых, желанием рассказчика поставить точку в повествовании и, во-вторых, малым его знакомством с реальной судьбой Эймунда⁴⁹.

В остальном же данные пряди, вероятно, имеют под собой более серьёзную почву: известие о долгом нахождении Эймунда на Руси хорошо укладывается в высказанное выше предположение об идентичности Эймунда-убийцы Бориса, Эймунда отца Ингвара, Эймунда надписи Sö 279 и Эймунда Олавссона. Сведения пряди о долгом пребывании Эймунда на Руси позволяют объяснить многие противоречия и неясности разнообразных источников, повествующих об истории Швеции XI века.

Во-первых, получает объяснение противоречие, которое заставило меня вслед за Фрисеном сомневаться в теории Ф. А. Брауна. Получается, что все упомянутые выше четыре рунических камня (Sö 179, Sö 279, U 513 и U 540) были поставлены не самим Эймундом по той причине, что во время их установки он был не в Швеции, а на Руси. Этим же объясняется и отсутствие среди установивших U 540 Анунда. Выросши с братьями в Швеции, Анунд мог уехать к отцу на Русь, а че-

47 [Eymundar þátttr]. S. 376–377 (s. 133–134).

48 Ср. рассказ об убийстве Бориса, тенденциозность которого в летописи видна при сравнении со скандинавской версией описания данного события (Михеев С. М. Золотая гривна Бориса. С. 40 (прим. 21)).

49 Исландцы, рассказы которых легли в основу пряди (см. также об этом выше), вероятно, служили Эймунду не долго и ничего не знали о его судьбе после заключения договора между Брячиславом и Ярославом. Между тем, эпилог пряди как литературного произведения должен был придавать её композиции стройность. Как кажется, именно из-за этого мы также находим в Еум. ошибочные данные о ранней смерти Брячислава (который, согласно летописи, умер только в 1044 году), а также преувеличение роли, которую Эймунд играл на Руси.

рез многие годы — после смерти Стейнкеля — вернуться и как законный наследник ненадолго получить власть над Свеаландом. Вероятно, именно его Адам Бременский называет «Анундом из Руси».

Во-вторых, моя гипотеза позволяет более просто, чем гипотеза Ф. А. Брауна, объяснить имянаречение одного из сыновей Эймунда — Рагнара, по которому был воздвигнут камень U 513. Эймунд мог назвать сына в честь своего — возможно, уже погибшего — родственника и соратника, который, упоминается в Еум. как троюродный дядя и побратим Эймунда. Таким образом, мы имеем некоторые основания для того, чтобы отчасти восстановить принципы имянаречения, которыми руководствовался Эймунд, давая имена своим сыновьям. Анунд был назван в честь прапрапрадеда — Анунда Упсальского — и его тезок-потомков (вряд ли есть смысл сомневаться в их существовании, хотя никаких сведений о них до нас не дошло)⁵⁰. Эйрик, очевидно, был назван в честь прадеда — Эйрика Победоносного. Рагнар получил своё имя в честь родственников со стороны своей матери Рагнхильд (см. U 540; это имя соотносится с именем сына по принципу варьирования основ⁵¹) и/или в честь побратима отца (вполне возможно, что побратим Эймунда был одновременно родственником Рагнхильд). Об именах младших сыновей Эймунда — Хакона и Ингвара — мы можем сказать меньше⁵². Между тем, имя *Ингвар* перекликается с именем знаменитой сестры Эймунда — Ингигерд⁵³ — по принципу варьирования основ. Исходя из того, что никто из братьев не получил имя деда — Олава Шведского, можно предположить, что Олав был жив в момент имянаречения всех братьев, то есть все они родились до 1022 года (дата смерти Олава — условная)⁵⁴. Это построение вполне укладывается в те данные, которыми мы располагаем о дальнейшей судьбе братьев: так, судя по всему, младший из известных нам братьев — Ингвар — погиб в походе на восток в начале 1040-х годов, то есть в возрасте примерно двадцати лет или чуть старше. Другие братья, боровшиеся за власть в 1060-е–1070-е годы, видимо, были в то время уже в 50–60-летнем возрасте.

50 Дядя Анунда Эймундарсона Анунд-Якоб, видимо, получил имя *Анунд* лишь на тинге в 1020 году, то есть уже после рождения — и, очевидно, имянаречения — своего племянника (см. выше прим.).

Следует оговориться, что мы знаем, вероятно, очень малую часть генеалогии шведской королевской семьи того времени, поэтому у всех описанных актов имянаречения могли в действительности иметься более веские — неизвестные нам — причины.

51 Ср. Toll H. *Emund, Stenkil och Håkan röde* (Stockholm, 1933), 7.

52 При большом количестве младшие сыновья обычно получают менее значимые для рода отца имена, так как самые значимые имена уже оказываются розданными. (Возможно, однако, что имена Хакона и Ингвара как-либо подчёркивали связь с родом матери).

53 Присутствие в пряди Ингигерд не опровергает гипотезу о тождестве Эймунда с Эймундом Старым, так как эта добавка могла попасть сюда уже после потери среди рассказчиков памяти о происхождении Эймунда. (Это, скорее всего, было именно так, так как то, что Ингигерд была сестрой Эймунда, не укладывается в дошедший до нас сюжет пряди).

54 Конечно, существует и другая возможность: имя *Олав* могло быть дано одному из сыновей Эймунда, умерших ещё до установки перечисленных выше рунических камней или отсутствовавших в Швеции в это время.

В-третьих, моя гипотеза позволяет проще объяснить интересное совпадение Еум. и Yngv., в обеих из которых в качестве одного из участвующих в походах на восток скандинавов упоминается некий Гардакетиль (то есть ‘Кетиль Русский’). П. Э. Мюллер считал, что в Yngv. упоминание Эймунда (как отца Ингвара) и Гардакетилля появилось для создания русского антуража саги. По мнению П. Э. Мюллера, автор Yngv. знал рассказы об Эймунде и мог намеренно ввести действующих лиц пряди в качестве героев своего повествования⁵⁵. С мнением о «заимствовании» Гардакетилля из Еум. полностью согласился Ф. А. Браун⁵⁶. Д. Хофманн считает возможным (и даже более вероятным) заимствование в обратном направлении⁵⁷. Нужно отметить, что и в Еум., и в Yngv. названы по именам не очень много действующих лиц. Скорее всего, Гардакетилля следует признать реальным лицом — приближённым и одним из военачальников Эймунда, а позже — его сына Ингвара⁵⁸.

И, наконец, в-четвёртых, гипотеза об идентичности Эймунда Старого и Эймунда-убийцы Бориса помогает лучше понять обстоятельства избрания конунгом Анунда-Якоба на упсальском тинге, состоявшемся около 1020 года:

«Фрейвид [один из знатных шведов — С. М.] отвечает:

— Мы, шведы из Уппланда, не хотим, чтобы нашим конунгом стал человек не из рода древних конунгов, и есть возможность избежать этого. У конунга — два сына, и мы хотим, чтобы один из них стал конунгом. Но между ними большая разница. Один рожден женой конунга, и отец и мать у него шведы, а другой — сын рабыни, и его мать вендка.

Тут все одобрительно зашумели, и все захотели Якоба в конунги. Тогда Эмунд [лагман из Скарара — С. М.] сказал:

— Вы, шведы из Уппланда, сейчас властны решать. Но я хочу сказать вам, что может случиться так, что многие из тех, кто сейчас и слышат не хотят о том, чтобы их конунгом стал человек не из древнего рода конунгов, сами потом посчитают, что лучше было бы, если бы их конунгом был человек из другого рода.

После этого братья Фрейвид и Арнвид велели привести на тинг Якоба конунгова сына, и он был провозглашен конунгом. Шведы дали ему имя Энунд, и потом так его и звали до самой смерти. Тогда ему было лет десять или двенадцать. Потом Энунд конунг набрал себе дружину и назначил предводителей. У всех них вместе было тогда столько людей, сколько он посчитал нужным. А всех бондов он распустил по домам.

После этого конунги снеслись через гонцов, а потом встретились и заключили мир. Олав должен был оставаться конунгом всей страны до

55 Müller P. E. *Sagabibliothek med Anmærkninger og indledende Afhandlinger* (Kjøbenhavn, 1820), Bd. 3, 185.

56 Braun F. *Das historische Rußland*, 186.

57 Hofmann D. *Die Yngvars saga víðfárla*, 193.

58 Ещё одним подтверждением моей гипотезы об идентичности Эймунда-убийцы Бориса и Эймунда Старого является тот факт, что один из подвигов Эймунда — убийство Бориса — был описан сподвижниками Эймунда с опорой на повествование о гибели легендарного свейского конунга Агни (Михеев С. М. Золотая гривна Бориса). Такая аллюзия была бы особо уместна в устах наследника шведского трона. В убийстве Бориса, согласно Еум., участвовал и Гардакетиль.

смерти, но он должен был соблюдать мир с конунгом Норвегии и со всеми теми людьми, которые были замешаны в заговоре. Энунд тоже должен был быть конунгом и владеть теми землями, которые он получил по договору со своим отцом. Но он должен был быть на стороне бондов, если Олав конунг стал бы делать то, чего не захотят потерпеть бонды»⁵⁹.

Как известно, традиционные скандинавские принципы престолонаследия никак не ограничивали права незаконнорожденных детей конунга на престол. Поэтому приведенное Снорри объяснение причин выбора тингменами Анунда-Якоба, а не Эймунда выглядит как позднее осмысление событий. Возможно, Эймунд Олавсон, который у Снорри вообще не упоминается как действующее лицо в связи с этими событиями, не стал тогда конунгом по той причине, что он был на Руси, а в ситуации политического кризиса, в которой происходил этот тинг, было невозможно избрать в конунги кого-либо, находившегося далеко от Швеции (главным требованием восставших шведов было срочное заключение мира с Норвегией). Поэтому выбор тингменов пал на младшего сына Олава Шведского⁶⁰.

* * *

В первой половине XI века в Новгороде и Киеве (по большей части — при дворе Ярослава и Ингигерд) постоянно находились иностранные наследники, претенденты на троны и вообще многочисленная иностранная (в особенности скандинавская) высшая знать:

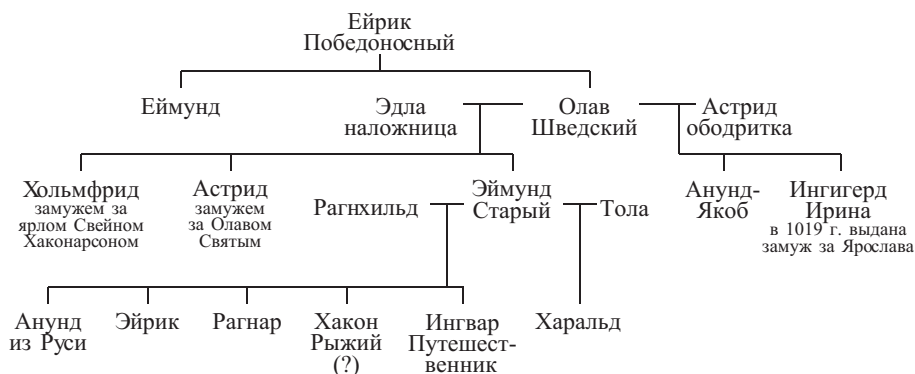
- Опальный ярл Западного Гаутланда Рёгнвальд Старый (видимо, отец Стейнкеля, т. е. прародитель будущей шведской королевской династии) был на Руси и правил Ладогой с 1019 года и по крайней мере до 1030-х годов.
- Бежавшие от Кнута Великого (или изгнанные им) сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого были у Ярослава на пути в Венгрию в конце 1010-х годов⁶¹.
- Изгнанный норвежский ярл Хакон Эйрикссон помогал Ярославу в борьбе с Мстиславом Тмутараканским в 1024 году, если верна идентификация с этим норвежским правителем «варяжского князя Якуна» *Повести временных лет*, известного на Руси как «Якун Слепой»⁶².

59 Snorri Sturluson. *Heimskringla*. ÓН 94 (b. 2, s. 193–195). Перевод цитируется по изданию: Снорри Стурлусон. *Круг Земли* / А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

60 Возможно, далёким отголоском этих событий являются уже цитированные слова Ингигерд в Еум.: «А Палтескью <...> получит Эймунд конунг <...>, “потому что мы не хотим, чтобы он ушел из Гардарики»» ([Eymundar þátrr]. S. 377 (s. 133)).

61 См. Назаренко А. В. Часть IV. Западноевропейские источники. *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебн. пособие для студентов вузов*. М., 1999. С. 338–342; Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.* М., 2001. С. 500–503.

62 См. Pritsak O. *The Origin of Rus'*. P. 404–422.

- Бежавший норвежский конунг Олав Харальдссон Толстый (Святой) приехал на Русь в 1029–1030 годах⁶³.
- Наследник норвежского трона Магнус Олавссон Добрый жил при дворе Ярослава в 1029–1034 годах⁶⁴.
- Наследник норвежского трона Харальд Сигурдарсон Суровый гостил у Ярослава и служил в его войске в начале 1030-х и в середине 1040-х годов⁶⁵.
- Изгнанные своим дядей — венгерским королём Иштваном — Андрей (взявший позднее в жёны дочь Ярослава) и Левенте ездили на Русь в середине 1040-х годов⁶⁶.

Таким образом, пребывание Эймунда Олавссона и его сыновей на Руси не было каким-то экстраординарным событием.

Однако к сведениям Еум. безусловно следует относиться осторожно. Считать на их основании, что Полоцк был подчинён шведской династии при Эймунде, вряд ли уместно. Полное отсутствие сведений об Эймунде и его потомках в русских летописях не позволяет говорить о княжении Эймунда и его сыновей в Полоцке. Гораздо вероятнее, что Эймунд и его сыновья были воеводами⁶⁷ полоц-

63 См. подробнее: Джаксон Т. Н. *Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в.* М., 2000. С. 51–91.

64 См. подробнее: Там же. С. 93–115.

65 См. подробнее: Там же. С. 117–155.

66 См. Назаренко А. В. Племянники венгерского короля Иштвана I на Руси. *Ad fontem. У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каптанова.* М., 2005. С. 167–175.

67 Возможно, аналогичную Эймунду роль играл другой знатный швед на русской службе — ярл Рёгнвальд Ульвссон, получивший, согласно сагам, в те же годы, что и Эймунд, в своё управление Ладугу.

Интересно, что потомки двух знатных скандинавов, значительную часть своей жизни проведших на Руси, — Эймунда Олавссона и ярла Рёгнвальда (если это был тот самый Рёгнвальд, что и отец Стейнкеля) — стали во второй половине XI века главными противоборствующими сторонами в борьбе за шведский трон. Правда, источники молчат о том, закрепились ли на Руси потомки Эймунда, как это произошло с потомками Рёгнвальда, судя по всему, основав-

ких князей⁶⁸. Возможно, они были обязаны службой и самому Ярославу, о чём свидетельствуют не только слова пряди о том, что «Эймунд конунг будет также держать оборону страны для братьев [Брячислава и Ярослава] и всего Гардарики»⁶⁹, но и данные об участии Ингвара Эймундарсона в военных предприятиях Ярослава⁷⁰.

Институт всеобщей истории РАН

шими один из крупнейших новгородских боярских родов (Молчанов А. А. Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (Потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладогe и Новгороде). *XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов*. М.; Петрозаводск, 1997. С. 136–138; Гишпиус А. А. Рагоуиль (Страница из истории русского именослова). *Русистика. Славистика. Лингвистика: Festschrift für Werner Lehfeldt*. München, 2003. (Die Welt der Slaven: Sammelbände. Bd. 19), 144–154).

68 Грушевський М. С. *Віомки з жерел до історії України-Руси до половини XI віка*. У Львові, 1895. С. 122 (прим. 1).

69 Ср. соображения А. Н. Насонова: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: *Историко-географическое исследование*. М., 1951. С. 148.

70 Кроме этого можно отметить, что местом гибели неизвестного по имени человека (вероятно, родственника Эймунда и Ингвара), по которому примерно в 1030-е годы сыновьями Эймунда был поставлен камень с рунической надписью U 540, была Греция.